

ЛІНГВОКОГНІТИВНІ ДОСЛІДЖЕННЯ МОВНИХ ОДИНИЦЬ

УДК 81'376.335'367.5

АБАШИНА В.Н.

(Львовский национальный университет им. И.Франко)

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

В статті розглядається малодосліджена проблема сучасної лінгвістики – когнітивний аспект влаштованості складного речення. Обговорюється можливість тлумачення складних речень як особливих інформаційних одиниць в їх відношенні до когнітивних структур, що відображають ознаки зовнішнього світу.

Ключові слова: *когнітивний аспект, складне речення, інформаційна одиниця, когнітивна структура*

Абашина В.Н. Сложное предложение с позиций лингвокогнитивного подхода. В статье рассматривается малоисследованная проблема современной лингвистики – когнитивный аспект устроенности сложного предложения. Обсуждается возможность толкования сложных предложений как особых информационных единиц в их отношении к когнитивным структурам, отражающим признаки внешнего мира

Ключевые слова: *когнитивный аспект, сложное предложение, информационная единица, когнитивная структура*

Abashyna V.N. Composite sentence from the positions of the linguocognitive approach. The article is devoted to the insufficiently known problem of modern linguistics – cognitive aspect of organization of composite sentence. The possibility of interpretation of composite sentences as a special informational units in their attitude to cognitive structures, which are reflected signs of external world is discussed.

Key words: *cognitive aspect, composite sentence, informational unit, cognitive structure*

Стремление синтаксистов более глубоко и всестороннее изучить сложное предложение (далее – СП) обусловило появление таких новых аспектов его исследования, как коммуникативно-прагматический, когнитивный, функционально-композиционный, текстовый и др. Когнитивный аспект предполагает, что языковые структуры анализируются, исходя из понимания их интегрированности в другие виды когнитивных процессов, поэтому исследования языковых явлений связаны с изучением способов объективации знаний о мире. Непосредственным **объектом** анализа стали такие синтаксические конструкции, как СП, **предметом** – их лингвокогнитивные возможности, которые выявляются в процессе использования этих предложений в речемыслительной деятельности. **Цель** работы состоит в освещении специфики отражения СП как особой информационной единицей стоящей за ней когнитивной структуры, а ее **актуальность** определяется тем, что лингвокогнитивное описание СП пребывает на начальной стадии.

Вербализация речемыслительной деятельности предполагает обязательное в каждом конкретном речевом акте синтаксическое упорядочение языкового материала. Последнее приводит к тому, что в процессе коммуникации используются определенные синтаксические структуры. Они представлены, прежде всего, простыми и сложными предложениями, восходящими, в конечном счете, к порождаемой отправителем сообщения и воспринимаемой реципиентом сложной когнитивной структуре – тексту как естественному и общепризнанному результату речемыслительной деятельности человека. Считая СП способом представления определенного типа мыслительных операций, с неизбежностью выходим на вопрос о его соотношении с так называемыми когнитивными структурами.

Понятие когнитивной структуры, интенсивно используемое в метаязыке современной лингвистики, особенно в работах, представляющих язык как общий когнитивный механизм, регулирующий процессы овладения языковыми ресурсами и пользования ими, не имеет, по сути дела, своего однозначного толкования. Небезынтересно заметить, что инициатор создания «Краткого словаря когнитивных терминов» Е.С.Кубрякова отчетливо представляла себе те трудности, с которыми столкнутся интересующиеся когнитивной наукой именно из-за изобилия новых понятий, пришедших из разных наук и получивших здесь свою интерпретацию. Однако, разрешив архиважную метатаксномическую задачу, коллектив единомышленников не смог по целому ряду объективных причин (что отражено в Предисловии) охватить весь терминологический материал. И это объяснимо, поскольку ни в когнитивной психологии, ни в когнитивной лингвистике еще нет строго системного описания всех когнитивных феноменов. Как следствие, среди незафиксированных оказалось и понятие когнитивной структуры. Отсутствие кодифицированной терминологической дефиниции привело к тому, что под понятие когнитивной структуры стали подводиться явления, различные по своей сущности. Так, под влиянием когнитивной психологии и информатики в целом

получило распространение толкование познавательного процесса, его результатов как получающих репрезентацию в определенных отделах головного мозга в виде обладающих свободной конфигурацией особого рода так называемых когнитивных структур. Эти структуры являются способом и формой хранения информации, они получают оживление, возбуждение при продуцировании или восприятии речи. В таком понимании когнитивные структуры нередко отождествляются, прежде всего, в рамках проблемы создания искусственного интеллекта с фреймами, скриптами, сценариями и под. Однако обращает на себя внимание то, что в существующих определениях фрейма как общего родового понятия, в том числе и в его интерпретации М.А.Минским присутствует как инвариантное понятие «знание мира». В частности, Ю.Чарняк трактует фрейм как структуру знаний, «представляющих стереотипную визуальную ситуацию» [Чарняк 1983, с.304]. Т.А. ван Дейк отмечает, что анализ «наблюдаемых способов выражения должен быть представлен в терминах знания, имеющего более общий характер» [Дейк ван 1989, с.16]. Это знание он и предлагает считать фреймами. По мнению Р.Водак, фреймы – «это обобщающие модели, отражающие конвенциональные знания о каком-либо центральном концепте, например, «празднование дня рождения» [Водак 1997, с.75]. Согласно «Краткому словарю когнитивных терминов», фрейм является «одновременно набором предположений об устройстве формального языка для выражения знаний..., набором сущностей, по предположению исследователя, существующих в описываемом мире..., организацией представлений, хранимых в памяти (человека и/или компьютера)» [Кубрякова 1996, с.187].

Анализ приведенных дефиниций свидетельствует, что фрейм – это результат некоторой теоретической идеализации и отчасти абстракции, следствием чего оказывается возможность авторских интерпретаций, порой весьма различных. Вместе с тем наличие компонента «знание мира» является реальной предпосылкой для толкования фрейма, а также используемых для обозначения соотносительных понятий – схемы, сценария, слота, вслед за Л.И.Павиленисом как «энциклопедическое знание мира» [Павиленис 1986, с.381]. В таком понимании синонимизация понятий когнитивная структура и фрейм, на наш взгляд, будет некорректной, так как когнитивные структуры отличаются, прежде всего, своей вербальной реальностью. Дальнейшие рассуждения приводят к работе Н.Хомского, где в рамках неоднократно провозглашаемого им тезиса о невозможности объяснения когнитивных структур отдельно от языка система языка и ее часть грамматика последовательно признаются специфическими когнитивными структурами. В частности, определяя теорию обучения как систему механизмов и принципов, задействованных в процессе овладения языком, ученый семантизирует овладение языком как овладение специфической когнитивной структурой, называемой им грамматикой [Хомский 2000, с.58 – 59]. При этом он признает конструирование определенных когнитивных структур, которые играют существенную роль в мышлении и его выражении, а значит, и в коммуникации, важным аспектом процесса обучения. Более того, то, что усваивается в процессе овладения языком, то есть приобретенная когнитивная структура, должна обладать, по его мнению, свойствами, присущими универсальной грамматике [Хомский 2000, с.59].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все существующие в рамках грамматики языка структурные образования являются определенными когнитивными структурами, ибо каждое из этих образований предназначено для отражения специфического взгляда (понимания, толкования) действительности. Так, для передачи в наблюдаемом фрагменте картины мира причинно-следственных связей говорящий неизбежно выберет в речевой деятельности не простое, а сложное предложение, поскольку в когнитивном потенциале именно СП заложена способность вербализовать обнаруженные в процессе мышления отношения зависимости между событиями. Одновременно надо подчеркнуть, что когнитивные структуры как составляющие языковой способности коррелируют с существующими в рамках когнитивных способностей ментальными структурами, которые естественным образом формируются человеческим мышлением. Это позволяет в пределах когнитивного пространства индивидуума различать лингвистические когнитивные структуры и феноменологические когнитивные структуры, как это делает Д.Г.Клечко [Клечко 2002, с.77]. Лингвистические когнитивные структуры – это, следуя Н.Хомскому, система языка, грамматика, а феноменологические когнитивные структуры – система «здорового смысла», система убеждений и ожиданий о природе и поведении объектов [Хомский 2000, с.179]. Показательно, что различение лингвистических и феноменологических когнитивных структур возможно только в рамках теоретических рефлексий – при обсуждении и осознании научной проблемы. В реальности же положение иное. Р.М.Фрумкина, задаваясь вопросом о том, «можно ли думать, не опираясь на слова?

...то есть возможно ли мышление без словесного языка?» [Фрумкина 2001, с.13 – 14], отвечает на него отрицательно. Ученый, принимая во внимание высказывания известных математиков А.Энштейна, Ж.Адамаре, Ф.Гальтона, отрицающих присутствие слов в механизме своего мышления, разъясняет свою позицию следующим образом: «...мышление действительно невозможно вне опоры на какую-либо **символическую систему** (выделено автором – В.А.), где символы замещают объекты внешнего мира» [Фрумкина 2001, с.13]. Эта установка согласуется с мнением известного психолога Л.С.Рубинштейна, который писал: «Нельзя свести мышление к речи и установить между ними тождество, ...но нельзя и отрывать мышление и речь друг от друга;...в речи мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы сплошь и рядом ее формируем» [Рубинштейн 2001, с.235]. Считая речь не внешним орудием мысли, а включенной в самый процесс мышления формой, связанной с его содержанием, далее он подчеркивает, что «в тех случаях, когда мышление совершается в основном не в форме речи в специфическом смысле слова, а в форме образов, эти образы, по существу, выполняют в мышлении функцию речи, поскольку их чувственное содержание функционирует в мышлении в качестве носителя его смыслового содержания» [Рубинштейн 2001, с.235]. Вывод ученого категоричен: «...мышление вообще невозможно без речи». Такое же понимание декларирует А.В.Кравченко: «Мышление как совокупность неявных нейрофизиологических процессов, протекающих в мозгу человека, подвергается категоризации и предстает для наблюдателя в явном виде как вовлеченный в область когнитивных взаимодействий эмпирический объект *только в языковой форме* (выделено автором – В.А.)» [Кравченко1983, с.85].

Полностью разделяя изложенное понимание, корни которого усматриваются, в частности, в определении А.А.Потебней языка как необходимого условия мысли отдельного лица, ставшего рефлексией на гумбольтовское «язык как орган, организующий речь», можем констатировать, что в объективной реальности мы имеем дело с единым речемыслительным процессом, где ментальные структуры (феноменологические когнитивные структуры) невозможно отделить от лингвистических когнитивных структур – предложений и текстов. Осознавая всю сложность проблемы определения понятия когнитивной структуры, можем предложить в качестве рабочего в соответствии с целями данного исследования следующую дефиницию: когнитивные структуры – это структуры, моделирующие (феноменологические) и представляющие в вербальной форме (лингвистические) человеческие знания о мире в процессе речемыслительной деятельности.

Представляется, что формат СП как языковой единицы, возможность отразить с ее помощью те или иные детали фрагмента картины мира, подчеркнуть конкретные моменты ее характеристики играют вполне определенную роль при выборе той или иной синтаксической конструкции в качестве единицы предикативной номинации, а также и коммуникации. «Речь, согласно определению У.Л.Чейфа, – это творческий процесс, посредством которого лежащее в ее основе знание, в значительной степени аналогичное по своей природе, выкристаллизовывается в пропозициональные и языковые структуры» [Чейф1983, с.72]. Было бы глубоким заблуждением утверждение о неосознанности этого процесса, хотя бесспорно, что у развитого в речевом отношении человека эти решения принимаются моментально на уровне подсознания, нося тем самым автоматизированный характер. Е.С.Кубрякова пишет: «Выбирая ту или иную синтаксическую структуру, говорящий выбирает тем самым русло потока речи. В выборе этой конструкции он уже сделал содержательный шаг в расчленении описываемой ситуации, в установлении своего отношения к происходящему и его участникам, в определении их ролей и т.д. – он принял определенное решение относительно способа представления ситуации» [Кубрякова 1986, с.103]. При этом одним из убедительных аргументов, свидетельствующих в пользу сделанного Е.С.Кубряковой заключения, оказывается высказанное автором положение о том, что «каждая тектоническая (формальная) организация синтаксического порядка (модель предложения) служит для выражения ею достаточно общего, но в то же время и достаточно определенного содержания» [Кубрякова1986, с.103].

Возникает вопрос, почему выбор происходит в пользу СП, хотя совершенно очевидно, что практически нет таких ситуаций действительности, которые нельзя было бы вербально представить посредством простых предложений или же их последовательности? Хорошо известно, что одна и та же мысль может быть выражена различными семантически эквивалентными языковыми средствами, в том числе и с привлечением в одних случаях СП, в других – последовательности простых. Наглядным свидетельством тому являются примеры авторской художественной речи: у Н.Берберовой – *Символисты и члены «Мира искусства» ненавидели это озорство, акмеисты брезгливо от него отворачивались и Послевоенное поколение буйствовало. Старое доживало;* у Г.Газданова – *Я сделал шаг назад, но за мной была мягкая бархатная стена и Мне стало холодно и очень неприятно. Но я*

сделал над собой усилие и сказал: «- Извините меня за нескромность».

При этом можно утверждать, что изоморфизм предикативных частей сложносочиненных и бессоюзных СП, с одной стороны, и последовательности простых, с другой, носит практически абсолютный характер. Это нередко приводило к колебаниям в определении лингвистического статуса этих СП. Показательно в этом плане мнение Э.Сепира, склонного считать, что «сочиненные предложения», вроде *I shall remain, but you may go* (*Я останусь, а вы можете идти*), лишь с большими оговорками могут рассматриваться как действительно единые высказывания, как собственно предложения. Они, писал ученый, «предложения скорее в стилистическом смысле, а не со строго формальной лингвистической точки зрения» [Сепир 1993, с.52]. В равной степени можно считать симптоматичной позицию одного из авторов Русской грамматики И.Н.Кручининой, трактующей бессоюзное объединение предикативных единиц как особые синтаксические образования, понимаемые ею и, соответственно, названные бессоюзными соединениями предложений [Русская грамматика 1980, с.634]. Ведущим в таких случаях оказался фактор собственно формально-грамматического изоморфизма предикативных частей и простых предложений без учета заложенных в каждой из этих языковых конструкций возможностей как определенных когнитивных структур, а также в определенной степени игнорирование весьма показательного мнения, разделяемого, в частности, Н.Хомским, согласно которому понимание синтаксиса окажется неполным, если не рассматривать его роли в выражении мысли [Хомский 2000, с.92].

И между тем, используя в речевой деятельности СП, а не последовательность простых, какую прагматическую задачу ставит перед собой субъект речи? Считать, что в приведенных примерах писатели избирали для вербального представления достаточно сходных реальных ситуаций в одних случаях СП, в других последовательность простых неосознанно, было бы абсолютно неправильным, ибо одним из категориальных признаков письменной речи единогласно признается ее подготовленность, как внутренняя, так и внешняя.

Эта проблема, «когда для выражения некоторой информации используется одно, возможно сложносочиненное или сложноподчиненное предложение, а когда – несколько предложений, как подчеркивает Т.А. ван Дейк, систематически еще не изучалась» [Дейк ван 1978, с.259]. Ее объяснение, по его же словам, следует искать на уровне прагматики, поставив во взаимосвязь с другими, в частности, «взаимоотношения между темой, фокусом и ремой, отображения последовательности речевых актов в предложении или последовательности предложений, с одной стороны, и в суждении или последовательности суждений – с другой» [Дейк ван 1978, с.260]. Опираясь на мнение ученого, подчеркнем, что принципиальным и, в конечном счете, решающим в пользу того или иного выбора будет интенциональная установка говорящего, предопределенная его прагматической точкой зрения. В зависимости от этой точки зрения, обусловленной строго определенной интенциональной позицией, говорящий может сделать сообщение о событиях, денотативных ситуациях в целом, не делая акцента на частностях, составляющих эти события. Не конкретный предикативный признак некоторого субъекта, не сопровождающие предикативный признак разного рода обстоятельства оказываются принципиально важными для говорящего в таких случаях, а целостное представление фрагмента объективной действительности, который обрабатывается мышлением. В такой коммуникативной обстановке для вербального представления этого фрагмента говорящий выбирает СП, где, как пишет Т.А. ван Дейк, «в фокусе оказывается самый ход событий или отношения между ними» [Дейк ван 1978, с.278]. Если же внимание говорящего направлено на информацию об отдельных аспектах некоторых событий и эту ментальную сосредоточенность своего внимания он намерен донести до воспринимающего его сообщение коммуникативного партнера, то в этом случае он использует два простых предложения. Это является свидетельством глубинных различий когнитивных значений СП, с одной стороны, и последовательности простых, с другой.

Избирая для оформления своего сообщения синтаксическую форму СП, отправитель речи полагает, что таким образом он может сообщить информацию о причинно-следственных, или логических, в широком смысле слова, отношениях, возникающих между отдельными событийными ситуациями. Лингвокогнитивный потенциал СП позволяет передать в едином акте речи сообщение, по крайней мере, о двух эксплицитно представленных пропозициях, объединено отражающих в сознании говорящего оказавшийся в поле зрения фрагмент действительности. Тем самым посредством использования языковой структуры СП выражаются семантические отношения, коррелирующие с определенным видом мыслительного процесса, поскольку отражающий различные

виды проявления действительности речемыслительный акт вербализуется в синтаксических построениях различной степени сложности. И если привлечение для представления речевого акта простого предложения служит вербальным выражением мыслительных операций, связанных с субъектно-предикатными отношениями, то каузативные и логические связи, сопряженные с интеллектуальными усилиями, находящимися в непосредственной зависимости от логико-познавательных процессов и ментальной деятельности, всегда относятся к другому речемыслительному уровню – уровню отношений между пропозициями, или событиями. Для вербального представления таких отношений нужна соответствующая синтаксическая структура – СП. Однако различие в конкретных формах всегда связано с различием не только в объеме передаваемой информации, но, главным образом в том, каким окажется представляемый фрагмент действительности. Изменение языковой формы неминуемо влечет за собой изменения существенных характеристик и параметров отображаемой внеязыковой ситуации. Это будет уже другой взгляд, другая коммуникативная ситуация и, как следствие, другое экстралингвальное содержание.

Констатация специфических возможностей СП в структурировании определенного содержания, его причастности к познавательным процессам, характеризующим деятельность человека, позволяет отнести эту языковую единицу к числу когнитивных структур, обеспечивающих доступ к определенной структуре знания, и, как следствие, предполагает рассмотрение СП среди объектов когнитивного направления лингвистики. Необходимость анализа СП в лингвокогнитивном аспекте подтверждается и тем вниманием к синтаксической организации речи, которое наблюдается в когнитивной психологии.

Литература

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Рут Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 138 с. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / Владимир Андреевич Звегинцев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. – 306 с. Дейк ван Т.А. Вопросы прагматики текста / Теун А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. УШ. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С.259 – 336. Дейк ван Т.А. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов / Теун А. ван Дейк // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С.12 – 40. Клечко Д.Г. Когнитивные аспекты интерпретации текста / Дмитрий Генрихович Клечко // Когнитивные сценарии коммуникации. На перекрестке языков и культур. Доклады IV Международной научной конференции. Партенит, Крым, Украина 23-28 сент. 2002. – Симферополь, 2002. – С.76 – 78. Кравченко А.В. Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления / Александр Владимирович Кравченко // Речевые жанры: Сб. научных статей. Вып.4. Жанр и концепт. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – С.84 – 102. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Елена Самойловна Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 157 с. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с. Павилёнис Л.И. Понимание речи и философия языка / Роландас Ионович Павилёнис // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск ХУП. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С.380 – 388. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / Сергей Леонидович Рубинштейн. Цит. по: Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М.: Академия, 2001. – С.231 – 236. Русская грамматика. В 2 т. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. Т. 2. – 709 с. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи / Эдуард Сепир // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс Универс, 1993. – С.26 – 203. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М.: Академия, 2001. – 320 с. Хомский Н. Роздуми про мову / Ноам Хомский. – Львів: Ініціатива, 2000. – 351с. Чарняк Ю. Умозаключення и знания (часть II) / Эуген Чарняк // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XII. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С.272 – 317. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта / Уолесс Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XII. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С.35 – 75.

УДК 811.111:81'367.623

АНДРУСЬ А.Ф.

(Закарпатський державний університет)

ТЕОРЕТИЧНІ ЗАСАДИ Й ДОСЛІДНИЦЬКІ МОЖЛИВОСТІ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛІЗУ МОВНИХ ОДИНИЦЬ

У статті висвітлено особливості концептуального аналізу мовних одиниць, проаналізовано різні напрями до його тлумачення, установленно чіткі грані розбіжностей між семантичним і концептуальним аналізом.

Ключові слова: концептуальний аналіз, концепт, концептуальний простір, лінгвоконцептологія.

Андрусь А.Ф. Теоретические принципы и исследовательские возможности концептуального анализа языковых единиц. В статье рассматриваются особенности концептуального анализа языковых единиц, проанализировано разные подходы к его толкованию, определены четкие грани несовпадения между семантическим и концептуальным анализом.

Ключевые слова: концептуальный анализ, концепт, концептуальное пространство, лингвоконцептология.

Andrus A.F. Theoretical principles and research possibilities of conceptual analysis of language units. The article deals with peculiarities of conceptual analysis of language units, various approaches to its interpretation are analyzed, distinction between semantic and conceptual analysis is established.

Key words: conceptual analysis, concept, conceptual space, linguistic conceptology